К вопросу о становлении христианства как мировой религии

Д. Е. ФУРМАН

Каждый исследователь, занимающийся проблемами становления и развития христианской религии, неизбежно сталкивается с вопросом, почему христианство утратило свое первоначальное социальное содержание.

Общеизвестно, что христианство возникло как идеология угнетенных. Но постепенно, в ходе длительной и сложной эволюции, оно в целом утратило первоначально присущие ему черты социального протеста, стало государственной религией Римской империи и объективно служило целям освящения и оправдания эксплуатации и деспотизма. Каковы же причины и движущие силы этой эволюции?

Тезис о чуть ли не сознательном проникновении рабовладельцев в общины с целью поставить христианство на службу своим корыстным интересам, достаточно наивный, но бытовавший в некоторых работах, ныне можно считать изжитым. Историки исследуют объективные социальные и социально-психологические особенности этого процесса. «Не только бедняки шли к проповедникам новой религии,— пишет советский исследователь А. П. Каждан.— Всякий, ощущавший себя неуютно в этом мире, мог откликнуться на призыв христиан. Разве купец, землевладелец, оратор могли чувствовать себя уверенными под игом императорского деспотизма?.. А чем больше богатых и способных людей вступало в христианские общины, тем сильнее они становились и вместе с тем все больше стирался прежний бунтарский дух» (А. П. Каждан. От Христа к Константину. М., 1965, стр. 249). Изменения в христианской идеологии автор объясняет изменениями в социальном составе христианских общин. Если мы обратимся к другим работам, посвященным истории раннего христианства, то увидим в них такое же объяснение[1].

На наш взгляд, это объяснение правильно, ибо вскрывает основной социальный фактор изменения религии, но вместе с тем недостаточно. Эволюция христианства в I—V веках н. э. была необычайно сложной и многообразной. Христианское учение не только теряет элементы социального протеста, но и лишается специфически национальных черт. В то же время происходит, с одной стороны, включение в христианскую религиозную систему таких элементов, как культ святых, икон, мощей, соот-

---

[1] Так, Я. А. Ленцман, перечисляя различные аспекты эволюции христианства в III—IV веках, пишет: «Все эти моменты тесно переплетаются друг с другом; их общей подоплекой были определенные изменения в социальном составе верующих» (Я. А. Ленцман. Происхождение христианства. М., 1958, стр. 264).

С. А. Токарев пишет: «К середине II в. в христианских общинах уже прочно захватили власть зажиточные элементы, рабовладельцы и торговцы. Им удалось подавить это демократически-фанатическое течение» (С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 485). Можно привести еще ряд аналогичных примеров.

ветствовавших представлениям широких масс простого народа, а с другой — создание христианского богословия на базе достижений античной философии и логики, что связано, очевидно, с принятием христианства культурными слоями римского общества. Одним словом, христианство утрачивает черты, «привязывавшие» его к узкой социально-национальной группе, бывшей его первоначальной социальной базой, и приобретает другие черты, без которых оно не могло бы стать религией самых различных социальных и национальных групп римского общества.

Эта эволюция охватывает определенный отрезок времени, примерно I—V века. Именно в этот период складывается христианская религиозная система, в основных своих чертах сохранившаяся неизменной и до сих пор,— библейский канон и толкования к нему, догматическая теология, пышный и сложный культ, система церковной иерархии. И именно в этот период христианство завоевывает духовное господство в римском обществе, во всех его слоях и группах.

В последующее время, несмотря на широчайшее географическое распространение христианства, и в частности среди таких народов, о существовании которых в I—V веках и не подозревали, и даже несмотря на глубочайшие социальные перемены, происшедшие в христианских странах, столь существенных изменений эта религиозная система уже не претерпевала. Христианство V века похоже на христианство II века меньше, чем на христианство XV или даже XX века [1]. Очевидно, эволюция I—V веков привела к возникновению идеологической системы, обладавшей какими-то особенностями, позволившими ей завоевать монопольное господство в социально и национально неоднородном обществе. Приблизительно к V веку «механизм» преодоления национальных и социальных различий уже сложился и в дальнейшем существенно уже не меняется.

В конечном счете эволюция христианства привела к созданию идеологии, представлявшей собой принципиально новое явление в истории античного мира,— идеологии, ставшей идеологией всего общества, и к установлению *новой формы духовной жизни общества* — духовной жизни в условиях абсолютного господства одной идеологической системы. Ничего подобного предшествующее развитие античного (европейского) мира не знало.

Сложной социальной структуре античного общества соответствовал плюрализм идеологий. Различные системы распространялись в разных социально-национальных группах. Египетский крестьянин не мог быть стоиком или эпикурейцем. Но хотя в V веке структура римского общества отнюдь не становится менее сложной, эпоха множества идеологий сменяется эпохой духовной монополии христианства.

На наш взгляд, утверждение, что к V веку наступает принципиально новый этап в духовном развитии греко-римского и вообще европейского мира — эпоха «духовной монополии» одной религиозной системы — христианства, не противоречит факту существования расколов.

Во-первых, значение, какое придавалось в это время религиозным разногласиям, не должно скрывать от нас того факта, что в большинстве случаев (особенно это относится к большим догматическим спорам — арианскому, монофизитскому) различий между борющимися течениями неизмеримо меньше, чем сходных черт. Это различия внутри одной идеологии, но не между идеологиями.

Во-вторых, возможность объединения в рамках одной идеологии самых различных социальных и национальных групп сохраняется и при этих расколах. Так, арианами были готы, римские императоры и их окружение и часть александрийского плебса.

В-третьих, в истории христианства были такие периоды, когда ересей и расколов или вообще не было, или они представляли собой ничтожное меньшинство, а для нас важна именно возникшая с формированием христианской религиозной системы принципиальная возможность идеологического единства социально и национально неоднородного общества — единства, немыслимого в античный период.

---

[1] Мы говорим здесь о развитии религии там, где оно продолжалось беспрерывно и эволюционно (в католицизме и православии).

Постепенно христианскую религию принимают все новые и новые слои и группы, вносящие в нее новые и новые черты, новые и новые элементы. Поэтому, безусловно, без анализа того, с какими изменениями в социальном составе верующих связаны те или иные изменения в христианской идеологии, мы никогда не поймем причин ее эволюции. Но, на наш взгляд, на основе лишь этой исходной посылки нельзя объяснить, как христианская религиозная идеология смогла сохранить свое единство; почему она не распалась, вобрав в себя самые противоречивые элементы; каков «механизм», при помощи которого христианство могло удерживать в своих рядах людей с самыми разными интересами, психологиями, различными культурными уровнями и традициями, чего не могла ни одна предшествующая идеологическая система. Наконец, неясно, почему такая принципиально новая форма идеологии возникла именно в I—V веках.

Одним из путей решения стоящей перед нами проблемы является, на наш взгляд, рассмотрение положения и интересов христианских религиозных идеологов, ибо, как мы знаем, никакие изменения в идеологии не происходят сами собой. Любые изменения в идеологии осуществляются идеологами. Всякая идеология представляет собой систему, развиваемую или охраняемую специально подготовленными для этого людьми, умеющими в специфических идеологических построениях выразить настроения и интересы различных классов и групп.

Первые идеологи и создатели христианства были, очевидно, выходцами из эксплуатируемых слоев (или близки к ним), и их учение отражало миросозерцание и чаяния этой социальной группы. Им удалось выразить смутные идеи и настроения пассивного протеста в новом религиозном учении, противостоящем традиционному иудаизму. Вместе с тем они были не просто представителями определенной социальной группы, но и религиозными идеологами, а это выделяло их из общей среды и ставило над нею, изменяло их социальное положение, формировало их особые стремления и интересы, выделяющие их в особую социальную прослойку. Их новое положение приносит им почет[1], а затем и материальную выгоду.

Влияние и вес в обществе этих людей, а в конечном счете и их власть и богатство зависели от степени распространения христианского учения и за пределами данной социальной группы. Таким образом, с самого начала христианский религиозный идеолог не полностью принадлежал группе, бывшей первоначальной социальной базой христианства. Он был и в ней и до какой-то степени — вне её.

Разумеется, наличие специфических интересов и выделение в особую прослойку не есть нечто характерное лишь для христианских религиозных идеологов. Особые интересы были и у языческих жрецов. Но в силу определенных обстоятельств эти специфические интересы стали у христианских идеологов преобладающими, полностью определив их деятельность, которая в условиях острейшего кризиса всей установившейся политической организации общества того времени довольно быстро приобрела ярко выраженные политические и хозяйственно-организационные функции.

На наш взгляд, такими обстоятельствами были следующие:

1) В отличие от римского язычества, жрецы которого были, по сути дела, выбранными на определенный срок магистратами, христианство выделило группу лиц, живших исключительно за счет верующих, «как птицы небесные». Проповедническая и идеологическая деятельность очень рано стала у христианских идеологов не только основным, но и

---

[1] «И иных Бог поставил в церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями... все ли апостолы? все ли пророки? все ли учители? все ли чудотворцы?» («1-е послание к коринфянам», XII, 28—29).

единственным занятием[1], что, безусловно, способствовало их выделению в самостоятельную социальную группу.

2) Из этой группы «профессионалов» очень быстро вытесняется не поддающийся идеологической дисциплине «харизматический» элемент, и группа превращается в иерархическую организацию, подчиненную главной цели — пропаганде христианского учения[2]. Внутри такой организации неизбежно возникали особые отношения и интересы. Отдельные члены стремились занять командные, руководящие посты. Но как могло осуществляться выдвижение в этой иерархической организации? Интересы ее членов не могли допустить выдвижения лиц, чья деятельность была бы опасной для организации, мешала бы достижению ее основной цели — распространению в обществе религиозной идеологии. Наоборот, талантливый человек, правильно понимающий задачи организации, мог рассчитывать на быструю карьеру. Таким образом, церковная карьера требовала служения общим интересам иерархии. Выдвижение в церковной организации было дополнительным стимулом к распространению христианской идеологии. Иерархический интерес усиливал тот интерес, который наличествовал у христианских идеологов уже просто потому, что они были религиозными идеологами.

По мере того, как распространялась христианская идеология, создавалась и оформлялась эта организация; условия жизни и интересы ее членов становились все менее и менее похожими на интересы и условия жизни той группы, которая была социальной базой первоначального христианства. Если «пророки» и «учители», о которых говорится в «Дидахе»,— бедняки, живущие на милостыню бедняков и, как утверждается в этом произведении, ничуть не хуже и не ниже ремесленников, то уже такие епископы III века, как Павел Самосатский, были богатейшими людьми (см. Евсевий. Церковная история, VII, 30, 7 и далее), а виднейшие церковники IV века, когда христианство стало господствующей религией, обладали колоссальным богатством и властью. Идеологи эксплуатируемых постепенно превратились в особую группу эксплуататоров.

Как мы уже говорили, смыслом существования церковной организации была пропаганда, распространение в обществе христианской религиозной идеологии. Но как могла пропаганда привести к распространению учения, являвшегося отражением жизни одной социальной группы, в других группах, имеющих совсем иные условия жизни?

Первоначально христианство содержало в себе смутные социальные идеи, и в нем явными были антиримская и антиэксплуататорская тенденции. Но дело не только в этих смутных социальных идеях. Целый ряд идей и представлений христианства, в том числе и те, которые никак не были связаны с социальной проблематикой, как бы «привязывали» его к той группе, в которой оно возникло и из которой вышли его основатели и первые адепты, и были чужды всему остальному римскому обществу.

Для успеха христианской пропаганды необходимо было свести на нет все эти идеи, отвечавшие потребностям лишь той узкой социальной группы, которая составляла его первоначальную социальную базу, и чуждые интересам и психологии иных социальных групп. В то же время было необходимо приобрести ряд новых черт, без которых идеологиче-

---

[1] Из «Дидахе» (XIII, 1—7) видно, что «пророки» и «учители» жили исключительно за счет общин и никакой иной профессиональной деятельностью не занимались.

[2] Подобная иерархическая организация религиозных идеологов представляла собой для античного (греко-римского) мира такое же принципиально новое явление, как и сама христианская религиозно-догматическая идеология, которую эта организация воплощала. Аналогии христианской церковной организации можно найти лишь в жреческих корпорациях Древнего Востока, например, в организации древнеегипетского жречества, которое держало в своих руках и иные функции умственного труда (астрономия, медицина).

ская система не могла распространиться в определенных социальных группах римского общества. Так, идеология, не стоящая «на уровне» достижений античной философии, не могла подчинить себе наиболее культурные слои, верхи общества. В то же время, не включив в нее разного рода обряды и праздники, неразрывно связанные с самим строем жизни крестьянина, нельзя было рассчитывать на проникновение этой идеологии в деревню и тем более на духовное подчинение[1].

И еще в стадии утробного развития христианства (деятельность апостола Павла) была начата грандиозная идеологическая работа, направленная на приспособление христианской идеологии к потребностям различных групп римского общества. Одним из основных факторов формирования и закрепления организационных форм христианского движения (как на уровне общины, так и в более централизованном виде) явился кризис политической организации на пространствах Римской империи, о котором мы упоминали выше.

Наличие организации позволяло — и позволяет поныне — сохранять преемственность и единство идеологии. Церковная организация предотвращала опасности, возникавшие в результате увлечений и «отклонений» отдельных церковных деятелей, она принимала в индивидуальной деятельности ее членов лишь то, что могло способствовать выполнению основной задачи — пропаганде, и отметала все опасное и ненужное. Ф. Энгельс сравнивал этот процесс с процессом «естественного отбора» (см. сб. К. Маркс и Ф. Энгельс о религии. М., 1955, стр. 158). Эволюция христианства не результат творчества отдельных лиц, а продукт коллективного творчества церковной организации. В конечном счете эта эволюция привела к созданию религиозной системы, сумевшей полностью духовно подчинить все римское общество, системы, поражающей современного исследователя своей законченностью, продуманностью, стройностью.

Таким образом, мы приходим к выводу, что процесс эволюции христианства и превращение его в мировую религию объясняется не просто тем, что все принимавшие христианство социальные группы добавляли к нему новые черты и лишали его ранее присущих ему черт, но прежде всего целеустремленной работой иерархической организации христианских идеологов, приспосабливавших христианскую идеологию к нуждам пропаганды, причем эту работу стимулировали их особые социальные интересы.

Необходимо подчеркнуть объективность причин как возникновения особых социальных интересов, так и деятельности иерархии, направленной на изменения идеологии. Христианский идеолог не мог не стремиться к распространению религии, а ее распространение было возможно лишь при условии ее постепенной эволюции. Поэтому мы видим, что в церкви интересы идеологов все время побеждают возникающее периодически в отдельных группках стремление к «сохранению чистоты» учения. Возникают два вопроса: 1) Насколько осознанными были социальные интересы идеологов? 2) Насколько осознанной была работа по переработке идеологии? Отвечая на первый вопрос, мы должны признать, что, хотя отдельные члены иерархии, безусловно, четко осознавали свои личные социально детерминированные интересы, общие интересы их социальной группы адекватно осознаваться ими не могли. Но это не мешало их деятельности в направлении преследования этих общих интересов, как неосознанность классовых интересов не мешает деятельности представителей данного класса, направленной на достижение их социальных целей. Почему? Потому что эти интересы полностью совпадали со стремлением к распространению христианства и осознанность этого стремления, хотя и в искаженной, идеологической форме — как стремления к спасению душ,— была равносильна осознанию иерархией ее специфических интересов. Отвечая на второй вопрос, мы должны подчеркнуть, что, на наш взгляд, доля сознательности в переработке идеологии была, во всяком случае, немалой. Украшая церкви, создавая

---

[1] А. Тойнби пишет: «В процессе обращения греко-римского общества в течение первых 5 столетий христианской эры ранняя христианская церковь сгладила дороги, по которым к ней приходили новообращенные, перенося местные культы и праздники от языческих богов к христианским святым и переводя христианские верования в термины греческой философии» (A. Toynbee. A Historian's Approach to Religion. Oxford, 1956, p. 160).

красивую службу и т. д., церковные иерархи, безусловно, понимали, для чего они это делают. Часто в пропагандистских целях сознательно совершались и более важные действия, направленные на развитие идеологии. В этом отношении очень характерно одно место из «Слова о жизни святого Григория Чудотворца» Григория Нисского, известного церковного деятеля IV века. Григорий Нисский пишет, что его герой, «заметив, что неразумное и невежественное большинство народа держится заблуждения идолопоклонства вследствие (соединенных с ним) плотских увеселений, чтобы достигнуть по отношению к ним успеха преимущественно в главном, то есть чтобы они вместо суетных предметов своего благоговения обратили взоры к богу, он позволил им веселиться в дни памяти святых мучеников, предаваясь радости и ликованию, дабы с течением времени сами собой перешли они к жизни более святой и строгой под руководством веры» (Григорий Нисский. Творения, ч. 8, М., 1871, стр. 193).

Но и такое объяснение эволюции христианства не может удовлетворить нас полностью. Остаются невыясненными два кардинальных вопроса.

Во-первых, если все дело в такого рода деятельности церковной иерархии, то почему же подобного рода система возникла лишь в определенное время, а именно в I—V веках н. э.?

Во-вторых, какими бы ни были искусство и «хитроумие», развившиеся в церковной иерархии в ходе пропаганды христианства, объединение в рамках одной идеологической системы таких противоречивых элементов, как достижения античной философии и логики и унаследованные от далеких времен господства фетишизма, анимизма и первобытной магии представления наиболее отсталых слоев крестьянства,— явление настолько необычное и сложное, что, пожалуй, одним «хитроумием» иерархии его объяснить нельзя. Как мы уже отмечали, эта идеологическая система в основном создается, так сказать, руками религиозных идеологов. Она отвечала их интересам, и сама иерархия религиозных идеологов складывалась в целях создания такой системы. Почему же она не сложилась раньше, скажем, в V веке до н. э.? Очевидно, потому, что не было для этого объективных возможностей.

На наш взгляд, такую объективную возможность создали те социальные и социально-психологические процессы, которые происходили в римском обществе рассматриваемого периода.

Это было время постепенного разложения рабовладельческого способа производства, бывшего основой античного общества. Господство рабовладельческого способа производства создавало некоторый комплекс жизненных условий, определенным образом влиявший на психику людей. Для античности характерно высокое развитие товарно-денежных отношений, что предполагает рациональные методы ведения хозяйства, стремление к повышению производительности труда и, следовательно, некоторый (хотя и ограниченный рабовладельческим характером производства) научный интерес. Для античности характерна также полисная политическая система. Но постепенно рабовладение изживает себя. В III—IV веках вся рабовладельческая система римского общества переживает глубокий кризис. Между тем в условиях, когда отсутствует революционный класс, способный разрешить внутренние противоречия общества, этот кризис приобретает затяжной характер. Он приводит не к революционному взрыву, а к гниению общества. В то время как естественные связи, обусловившие внутреннее единство Римской империи, отмирают, их все более и более заменяют связи бюрократические. Чудовищный рост бюрократического аппарата и его роли в жизни общества был одним из симптомов упадка, разложения общества. Произвол чиновников, тяжесть налогов, всеобщее бесправие вызывали недовольство не только простого народа, но и большинства перерождающегося, феодализирующегося господствующего класса. В конце концов организм империи ослаб до такой степени, что она уже не могла противостоять вторжениям варваров. Рабы и колоны перебегали к варварам или не оказывали им серьезного сопротивления, а многие представители господствующего класса предпочитали договориться с вар-

варской знатью, чем поддерживать одряхлевшую бюрократическую систему.

В отличие от гражданина полиса человек периода Поздней империи ощущает себя во власти чуждых и бездушных сил — бюрократического самодержавного государства, он чувствует бессмысленность существующего, и, очевидно, именно это основная причина того социально-психологического процесса, который определяется как «падение античного миросозерцания». Зашедшее в тупик общество как бы отворачивается от своих собственных проблем. Ощущение иррациональности общественного устройства вело к утрате веры в силы и способности человеческого разума. Отсюда стремление к миропониманию, как бы гарантированному от «земных», человеческих слабостей и покоящемуся на «прочных» основаниях «божественного откровения», которое сообщает заблудшему человечеству абсолютную истину [1].

Стремление к идеологии, основанной на «откровении», порождало авторитет догмы. Это две стороны одного процесса. Если учение мыслится основанным на «откровении» и содержащим в себе абсолютную истину, оно воспринимается лишь как догма. Но в силу этого к религиозной идеологии предъявлялись определенные требования: такая идеология должна представлять собой четкую систему, внутренне непротиворечивую, не допускающую различных толкований [2].

Этот комплекс требований можно условно назвать религиозно-догматическим миросозерцанием [3]. Именно это миросозерцание обеспечило возникновение христианской мировой религии — идеологии настолько сложной и многообразной, что она оказалась способной стать единственной идеологией социально и национально неоднородного общества. Именно это миросозерцание, распространившееся в самых широких слоях римского общества, сплотило церковную иерархию, проделавшую огромную работу по созданию такой идеологической системы. Именно оно обусловило возможность создания такой структуры идеологии, которая позволила церковной иерархии выхолостить, нейтрализовать те элементы идеологии первоначального христианства, которые препятствовали его широкому распространению, и включить в него совершенно чуждые раннему христианству догматические положения и формы культа при сохранении единства идеологии. Оно, наконец, определило пути эволюции христианства и особую структуру христианской идеологии.

---

[1] Это нашло свое выражение в бурном росте интереса к религии, широком распространении разного рода религиозных учений (не только христианства, но и различных восточных культов, манихейства, гностицизма), в исчезновении к IV веку таких философских систем, как скептицизм и эпикурейство, победоносном шествии неоплатонизма, постепенно превратившегося в своего рода языческую теологию, и ряде других процессов. Поздние идеологи язычества, например, Юлиан Отступник, стремясь придать своей системе характер учения, основанного на «откровении», изображали Платона, Плотина и даже Гомера и трагиков пророками, устами которых гласит божество.

[2] Эти требования породили стремление к догматизации не только христианства, но и других идеологических систем. Так, в язычестве распространяется идея о конечном тождестве всех философских школ (см. Юлиан. К невежественным киникам, 184B), высказывания столпов платонизма считаются непререкаемыми истинами (см. Юлиан. К цинику Гераклию, 222B).

[3] Разумеется, характерные черты сложившегося в эпоху Поздней империи миросозерцания не сводятся лишь к стремлению утвердить религиозно-догматическую идеологию: в это же время распространяется и пессимистический взгляд на земную жизнь, и стремление к этизации религии, и смутные идеи равенства людей «перед богом».

Христианство удовлетворяло и этим идейным стремлениям, и в этом — одна из причин его победы в конкурентной борьбе с другими религиозными учениями.

Но нас интересуют не вообще предпосылки распространения христианства, а прежде всего предпосылки его превращения в религиозную систему особого рода, способную к монопольному господству в социально и национально неоднородном обществе, и здесь необходимо указать именно на стремление к религиозно-догматической идеологии.

Как уже говорилось выше, это миросозерцание требовало, чтобы происхождение учения было освящено самым высоким, божественным авторитетом; оно требовало также четкости и внутренней непротиворечивости учения, чтобы оно соответствовало представлению об абсолютной истине, возвещенной человечеству божеством. В христианстве таким высшим авторитетом был «божественный» основатель религии Иисус Христос, чьи слова и дела описаны в книгах «Нового завета», созданных его учениками, движимыми «святым духом».

Люди с религиозно-догматическим миросозерцанием не могли допустить мысли о том, что в «священном писании» есть противоречия (хотя действительно их там сколько угодно), и принять идеологию, созданную теми, кто открыто противоречили божественному «священному писанию» — высшему авторитету. Между тем «священное писание» как раз и содержало в себе все те элементы идеологии, которые препятствовали широкому распространению христианства и которые иерархия должна была как-то устранить, затушевать, а именно элементы социального протеста, чрезмерно ригористическую этику, строгий монотеизм, отказ от пышной обрядности, запрещение изображений божества и т. д. Задача, стоявшая перед иерархией, на первый взгляд была невыполнимой—убрать ряд содержащихся в «писании» положений, не допуская противоречия с ним и не пытаясь его опровергнуть. Но религиозно-догматическое миросозерцание создавало возможность для ее разрешения, определяло формы, в которых эта проблема могла быть решена и которые одновременно представляли собой направления эволюции христианства.

Какие же формы идеологии позволяли вытравить из христианского учения его первоначальное социальное содержание и придать ему совершенно новые черты, не вступая в открытый конфликт со «священным писанием»?

1) Как мы уже говорили, объективно «писание» противоречиво и потому само по себе удовлетворить потребность в четкой догматической доктрине не могло. Поэтому христианское учение как бы удваивается. Наряду с учением первоначального христианства, зафиксированным в «писании» и признанным священным, создается стройная и четкая богословская система. Она создается на базе «писания» как логическое примирение его противоречивых положений друг с другом, а также с достижениями античной философии и логики. Сами христианские идеологи в соответствии со своим миросозерцанием мыслили это как уяснение в терминах человеческой логики «божественных истин»[1].

Христианское учение постепенно приобрело вид стройной и четкой идейной системы. Противоречия между отдельными положениями «писания», принятыми как аксиомы, были или затушеваны при помощи разного рода ухищрений, или оговорены как тайны, непостижимые человеческому уму. Но ведь сама бьющая в глаза противоречивость и нелогичность первоначального христианства была его неотъемлемой чертой. На всех произведениях «Нового завета» лежит печать совершенно особого, скорее поэтического, чем философско-логического, способа мышления основателей христианской религии, соответствующего, очевидно, психологии того слоя, в котором зародилось это религиозное учение. Переложение этого учения на язык логики так же ведет к утрате его индивидуальных черт, как, например, пересказ стихов Пушкина в рассуждениях типа «что хотел сказать поэт в этом стихотворении». Примиряя отдельные положения «писания» друг с другом и с требованиями античной философско-логической мысли, теологи приходили к ре-

---

[1] Процесс формирования христианской догматики отражен во многих работах— таких, как классические труды А. Гарнака, В. Болотова, А. Спасского. Из новейших работ следует отметить книгу Г. А. Вольфсона — H. A. Wolfson. The Philosophy of the Church Fathers. Cambridge, Mass., 1964.

зультатам, которые никогда не могли прийти в голову первым христианам, например, к догмату о «единосущной троице».

Но именно создание догматического богословия сыграло громадную роль в превращении христианства в идеологию всего римского общества.

Во-первых, этим удовлетворялась потребность в догматической, непротиворечивой системе, существовавшая в различных социальных группах римского общества того периода.

Во-вторых, христианская теология, создававшаяся с учетом ряда достижений античной мысли, в какой-то мере приобрела вид философской системы, что сделало ее доступной и приемлемой для лиц высокой культуры и высокого интеллектуального уровня, облегчило проникновение христианства в высшие слои общества.

2) Как отмечалось выше, религиозно-догматическое миросозерцание требовало не только непротиворечивой догматической системы. Оно требовало также, чтобы эта система была не плодом могущего ошибаться человеческого разума, а истиной, возвещенной божеством и зафиксированной в «священном писании». Таким образом, к «писанию» предъявлялись требования, которые оно объективно удовлетворить не могло. Для удовлетворения этой потребности христианскими идеологами создается особая «наука» о толковании Библии — экзегетика. Для приведения в соответствие «писания» и системы христианского богословия экзегетика должна была пользоваться софистически-логическими методами, а там, где она сталкивалась с местами, настолько противоречащими богословию и потребностям римского общества, что даже искуснейшей софистической логики было недостаточно (особенно это относится к древнееврейским произведениям «Ветхого завета»), начинались поиски скрытого, аллегорического смысла. Аллегорический метод толкования допускал полный произвол в отношении текста, ибо никакого логического критерия, позволявшего определить, какие места следует понимать буквально, а какие аллегорически, не было и быть не могло. И все-таки такой критерий был, и определялся он интересами иерархии и потребностями религиозной пропаганды. Все положения, мешавшие пропаганде, толковались аллегорически. С другой стороны, для всех необходимых пропаганде нововведений, как бы ни были они чужды духу первоначального христианства, можно было найти оправдания и обоснования в каком-нибудь тексте «священного писания».

Так само благоговейное отношение к букве «писания», характерное для религиозно-догматического миросозерцания, способствовало утрате его первоначального «духа».

3) Потребность в четкой, непротиворечивой и поэтому не могущей вызывать разных толкований догматической доктрине в конце концов привела к выражению этой доктрины в виде ряда формул — «символа веры». Но сама эта четкость изложения учения, точность содержащих «божественную истину» формул создала в то же время возможность включения в христианскую религиозную систему массы чуждых первоначальному христианству и даже, как это ни парадоксально, самим этим формулировкам представлений.

При наличии «символа веры» возникает совершенно определенный критерий того, кто является и признается христианином. Христианин — это человек, верящий в истинность сформулированного в «символе веры» христианского учения (плюс совершающий вытекающие из данного учения обряды). Именно этот критерий позволил объединить в рамках христианской религии людей с самыми разными установками и представлениями, не разрушая единства идеологии.

В самом деле, вера в истинность «символа» совершенно не требует понимания его философской основы. Можно знать «символ веры» наизусть, не только не понимая, но даже и не интересуясь сформулиро-

ванными в нем богословскими построениями, удовлетворяясь эмоциональным воздействием культовой стороны религии. Это позволило церковным идеологам превратить культ в настоящее театральное представление, что глубоко чуждо духу первоначального христианства, и более того — включить в религиозную систему ряд элементов культа, противоречащих идеям «писания». Наиболее яркий пример — культ икон. Изображение на иконе бога в образе величественного старика с бородой фактически противоречит учению о боге как о духе. Но посредством искусных толкований это противоречие скрывается [1]. То же самое можно сказать о культе святых и богоматери, фактически противоречащем монотеизму, о культе «мощей» — пережитке диких фетишистских представлений и т. д. Включение в религиозную систему всех этих элементов культа позволило христианству подчинить себе громадную массу наиболее темных и отсталых элементов общества. При этом принятие ими христианства практически никак не изменяло основных черт их миросозерцания, остававшегося «диким», «языческим», пропитанным магическими, политеистическими и антропоморфистскими представлениями.

Но это никак не препятствовало единству религии, не создавало двух христианств — «культурного» и «дикого». Во-первых, и «символ веры» и ритуал были общими для всех, хотя одни понимали смысл «символа веры» и знали учение Иоанна Дамаскина об иконах, а для других «символ веры» был лишь набором слов, священных, но непонятных, а изображение на иконе — истинным портретом бога. Во-вторых, признание истинности христианской теологии, даже при полном непонимании ее смысла, определяло направление духовного развития верующего. Если верующий стремился углубить свои представления о религии и о боге, его вера в истинность теологии не позволяла ему создавать какую-либо свою или принимать какую-либо иную теологию, кроме христианской.

«Священное писание», догматическое богословие, экзегетика и сложный, многогранный и пышный культ — необходимые элементы этой идеологической системы, каждый из которых выполняет определенные функции и в то же время предполагает наличие других элементов. В зависимости от психологии верующего такая идеология могла представляться и глубочайшей философской системой, и набором нелепейших суеверий, и монотеизмом, и политеизмом.

В настоящей работе мы стремились показать, что при дальнейшем исследовании эволюции христианства следует учитывать, что превращение христианства в мировую религию стало возможным при наличии трех взаимосвязанных условий, каждое из которых необходимо, но не достаточно.

1) Объективная возможность создания церковной иерархией религиозной идеологии нового типа, подчиняющей все общество, заключалась в социально-психологических изменениях, вызванных кризисом рабовладельческого способа производства, охватившим разные слои общества, в стремлении к основанной на «откровении» религиозно-догматической идеологии. Именно это новое миросозерцание с характерными для него преклонением перед буквой содержащего «божественное откровение» учения и стремлением к четкой и непротиворечивой доктрине создавало формы, только в которых церковная иерархия и могла преобразовать христианское учение, не вступая в конфликт со «священным писанием», и объединить в рамках христианской религиозной системы самые противоречивые элементы, удовлетворяющие потребностям различных социальных групп.

---

[1] См. по этому вопросу работу N. H. Baynes. Idolatry and the Early Church. 1955, в книге: «Byzantine Studies and other Essays», London, 1955.

2) Никакие изменения в христианской идеологии нельзя объяснить, не учитывая изменений в социальном составе верующих. Но сами эти изменения в социальном составе, приход к христианству новых социальных слоев невозможны без изменений в христианской идеологии, приспособления ее к потребностям этих новых слоев.

3) Непосредственной движущей силой эволюции христианства была деятельность возникшего нового социального слоя — церковной иерархии, имевшей свои специфические интересы. С момента возникновения христианства и по настоящее время духовенство, церковная иерархия, церковь как организация были и остаются хранителями, толкователями и распространителями этой религиозной идеологии, что обусловило ее устойчивость, живучесть, традиции. Это используется защитниками религии как доказательство «божественного происхождения» христианства. И деятельность этого же социального слоя, как нам кажется, объясняет гибкость, способность к приспособлению христианства, различия в истолковании догматов в разные эпохи, в разных обществах: социальное содержание религиозной идеологии модифицируется вместе с изменением специфических интересов этого особого социального слоя в конкретно-исторических условиях.

Это, возможно, позволит объяснить и более поздние изменения христианской идеологии, вынужденной постоянно приспосабливаться к изменениям, которые происходят в социальных отношениях и в общественной психологии, но ныне уже не для дальнейшего распространения, а для сохранения своего влияния, для того, чтобы выжить.